
Юрий КРУПНОВ

НОВЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.
2017 ГОД

Воспоминание о будущем
помогает осмыслять еще не закончившееся прошлое

2017 ГОД

К 2017 году Дальний Восток России в полной мере обрел черты центра мирового развития.

Не существовало ни одной мировой проблемы, которая бы не была точно и полно поставлена применительно к территории этого макрорегиона и не превращена в предмет целенаправленной работы лучших культурных, научных, административных и экономических сил России и других стран.

Именно благодаря своему Дальнему Востоку Россия вновь обрела мировое лидерство и стала всеобщим законодателем мод.

Вот уже почти десять лет, как здесь происходит самое интересное в России, и каждый уважающий себя молодой человек с амбициями стремится всеми правдами и неправдами стать жителем Дальнего Востока, чтобы сделать успешную карьеру, стать настоящим профессионалом.

Один из зарубежных экспертов сравнил происходящее на Дальнем Востоке с полетом человека в космос – настолько неожиданным и судьбоносным оказались результаты реализации новой восточной политики России.

В основе этой политики лежала доктринальная идея превращения за 15 лет, то есть за три пятилетки, российского Дальнего Востока не только в современное по социально-экономическим стандартам пространство жизни, но и в локомотив российского развития в целом.

Неудивительно, что наш Дальний Восток давно перестал быть «далекой окраиной» страны и превратился в равномогущий Москве и Санкт-Петербургу центр. Страна наконец уже не похожа на уродливого головастика с маленькой «головкой» на крайнем западе, где оборачивалось до 75 процентов всех российских финансов, и начала обретать черты равновесной «гантели».

Первая пятилетка развития Дальнего Востока подготовила основы для реализации новой восточной политики и начала критически важные проекты развития. Эта пятилетка получила название – план «Восток».

В период второй пятилетки, завершающейся в этом году, построены и введены в строй основные объекты плана «Восток», а также заложены основы управления Россией с дальневосточных территорий.

Начинающаяся в следующем году третья пятилетка развития Дальнего Востока призвана закрепить новую реальность и лидерство российского Дальнего Востока в российском и мировом масштабах.

Понятие *Dalnyi Vostok*, как когда-то слово *sputnik*, вошло в актив основных языков мира. *Dalnyi Vostok* теперь однозначно воспринимают как российский Дальний Восток, а для остальной Северо-Восточной Азии по инерции употребляют *Far East*, а чаще – нероссийская Азия.

Полагаю, полезно сделать обзор происходящего сегодня на Дальнем Востоке и указать на решения знаменательного 2008 года, когда руководством России был взят курс на опережающее развитие дальневосточного Зауралья, составляющего почти 40 процентов территории страны.

ВОСТОЧНОЕ КОЛЬЦО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Одной из ключевых задач плана «Восток» стало создание опорного каркаса расселения и обеспечение базовой внутренней достаточности Дальнего Востока России.

Эту задачу был призван решить проект «Восточное кольцо развития России на основе транспортного кольцевого железнодорожного пути Камчатка–Магадан–Якутск–Тында–Свободный–Комсомольск-на-Амуре–Сахалин». За неполные десять лет не только был построен единый непрерывный дальневосточный железнодорожный путь, но и созданы вокруг него несколько коридоров развития (подробнее о них писали еще в 2007 году Юрий Громыко и Юрий Крупнов в книге «Транспортное цивилизационное продвижение — конкретный сценарий развития России»).

К 2010 году была достроена АЯМ (Амуро-Якутская магистраль), связавшая БАМ и Якутск, и начато строительство железной дороги от Якутска до Магадана и далее на Петропавловск-Камчатский, а также дороги Селихино–Лазарев (Хабаровский край), моста на Сахалин и сквозной железной дороги от Погиби на юг через весь Сахалин.

Большая часть этих линий была в Стратегии развития железнодорожного транспорта в России до 2030 года запланирована к реализации после 2015 года, что означало перенос начала работ по ключевым для Дальнего Востока магистралям на далекие сроки, за которые никто, по сути, не отвечал. Но благодаря пятилетке развития Дальнего Востока (плану «Восток») сроки были резко приближены.

Был изменен и статус этих железных дорог – из категории социальных они были переведены в категорию стратегических.

Принятие соответствующего решения имело еще одно значение: до того высокоскоростные дороги проектировались исключительно для центральной части России (из Москвы до Санкт-Петербурга, Сочи и Нижнего Новгорода). Теперь же высокоскоростные магистрали пришли и на дальневосточную землю.

Появилась и такая немыслимая ранее реальность, как Камчатская железная дорога. Старожилы вспоминают, что когда в 2008 году Министерство транспорта и руководство ОАО «Российские железные дороги» приняли решение о создании Камчатской железной дороги как филиала ОАО «РЖД», то скептики посмеивались над назначенным

начальником – мол, начальник без дорог. Они, конечно, были правы, поскольку тогда протяженность железнодорожных путей в Камчатском крае составляла ноль километров, что с какой-то даже своеобразной гордостью было прописано во всех справочниках. Однако бодрая, консолидированная работа привела к тому, что через пять лет дорога появилась и стала одной из самых современных и высокотехнологичных в России.

Создание кольцевого железнодорожного пути также сделало реальностью и идею широтных приполярных железных дорог, которые использовали бы уникальное положение наземного моста России и создавали опорный каркас для нового освоения нашего Севера.

В настоящее время идут бурные дискуссии по поводу необходимости присоединять к кольцевому пути железную дорогу на Аляску через Чукотку и Берингов пролив. А вот строительство моста через пролив Лаперуза, соединяющего Сахалин и Хоккайдо, идет полным ходом и должно быть закончено через два года.

Наверное, не надо здесь подробно рассказывать о том, что строительство дорог велось в чрезвычайно тяжелых природно-климатических и инженерно-геологических условиях. Но правильно организованные проектирование и работы в рамках специально созданной Корпорации развития Дальнего Востока позволили сделать единый кольцевой путь с минимальными затратами и в предельно короткие сроки.

В итоге навсегда было покончено с Северным завозом как таковым и была создана новая система расселения по дальневосточному Северу.

СОБИРАНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В середине 2008 года в Дальневосточном федеральном округе началась реализация интеграционных программ на основе идей межрегиональных кластеров и коридоров развития.

Таким образом, была сделана ставка не на интеграцию Дальнего Востока России в Азиатско-Тихоокеанский регион, как стало модным повторять на всех уровнях с конца 1980-х, не на «подключение СССР к процессам регионального и мирового развития» (главная мысль

статьи Петра Щедровицкого «Дневник консультанта-1987: Позиции СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (концептуальный прогноз)», а на интеграцию территорий российского Дальнего Востока и создание единой развивающейся социально-экономической системы, которая при этом еще и выступала бы локомотивом развития всей страны.

И сегодня не прекращаются споры по поводу необходимости мобилизационной интеграции регионов в те годы, своего рода собирания Дальнего Востока России.

Однако тогда большое влияние на лиц, принимавших решения, оказали оригинальные выводы Константина Татценко. В своей монографии «Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая» Татценко аргументированно и на обширной эмпирической базе делал следующий вывод.

Китаю за последние 20 лет удалось, используя деградационные процессы и фрагментацию экономического пространства на российском Дальнем Востоке, создать единую «большую» экономическую систему «Северо-Восток Китая – пограничные субъекты Российской Федерации ДФО и Забайкалья», управляемую из Пекина и ключевых территорий Северо-Востока Китая.

В частности, Китай полностью владеет инициативой по формированию транспортной системы Северо-Восточной Азии, а по отношению к российской части Северо-Восточной Азии данная инициатива переросла в управление извлечением прибыли в пользу КНР.

Это обеспечивается уже созданной и наращиваемой КНР системой пограничных переходов, мостов и транспортных коридоров, которая буквально подрывает тарифно-транспортную систему ДФО и РФ и делает торговлю с КНР крайне невыгодной для РФ.

Материальным следствием экономического доминирования Китая является продвижение им к границе нарастающей человеческой массы или, по формулировке одного исследователя процессов в Северо-Восточном Китае еще 1920-х годов, «набухающего слоя перенаселения». Идеологическим основанием для доминирования и экспансии является якобы неспособность русских эффективно и цивилизационно управлять жизнью на территориях. Продолжение описанных процессов чревато угрозой утраты части национальной территории.

Разумеется, большинство политиков не могли принять резкие выводы Татценко.

Однако все согласились с тем, что дезинтеграция и эгоизм регионов имеют место и являются тяжелым наследием 1990-х годов. Широкое хождение получила ссылка на высказывание одного из губернаторов Дальнего Востока, который в ответ на замечание о крайне отрицательных последствиях для экономики ДФО ввода в строй еще одного пограничного перехода заявил: «Но для моей-то губернии будет лучше!»

Поэтому одной из ведущих целей восточной политики Москвы стала межрегиональная интеграция.

Важную роль сыграли и неоднократные указания губернатора Хабаровского края Виктора Ишаева на то, что на северо-востоке Китая в последние годы сформировался и продолжает активно развиваться мощный комплекс деревообрабатывающих и нефтехимических предприятий, построенных на экспорте российского сырья и закреплении сырьевой ориентации регионов ДФО.

При этом в 2005–2007 годах руководством КНР были предприняты беспрецедентные меры по интенсификации развития своего северо-востока (Дунбэя) в рамках программы возрождения северо-востока Китая и развития так называемых районов старой промышленной базы северо-востока Китая (провинции Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян, а также города Хулуьньбэйер, Тунляо и Чифэн, Хинганского аймака и аймака Илиньголэ автономного района Внутренняя Монголия).

По некоторым данным, соотношение капитальных вложений на одного жителя правительств КНР и России в свои регионы (северо-восток Китая и Дальний Восток России) должно было составить 4 к 1.

Складывающуюся ситуацию необходимо было кардинально изменять. Так начались интеграционные межрегиональные программы и проекты развития.

СОЕВЫЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОЯС

Еще в 1918 году выдающийся деятель, географ, писатель, этнограф Владимир Арсеньев в своем докладе для Переселенческого управления по вопросам открытия, заселения и освоения русскими Дальнего

Востока предлагал «густо заселить земельные пространства советского Дальнего Востока, непосредственно граничащие с Кореей и Китаем, колонистами из Европейской части Союза и Западной Сибири независимо от национальности». «Для этого, – отмечал он, – нужны средства, и немаленькие, но все-таки они будут неизмеримо меньше тех, которые придется израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооруженной рукой».

Несмотря на впечатляющее развитие этого региона в советскую эпоху, в начале текущего века большинством чиновников и губернаторов приграничные сельские районы Юга Дальнего Востока рассматривались как невозможные для развития и соответственно не подлежащие рассмотрению с точки зрения разработки для них каких-то специальных программ и проектов. Особенно здравым и, как любили говорить тогда ответственные чиновники, «реалистичным» это казалось на фоне соседнего сельскохозяйственного гиганта Китая.

Практиковалась массовая сдача уникальных по бонитету земель в аренду китайцам, а в целом на сельское хозяйство смотрели как на неподъемную и по большому счету отживающую сферу жизни и экономики.

Работать в сельском хозяйстве для русских стало непрестижным делом. Показателен тот факт, что число выпускников Дальневосточного государственного аграрного университета, которые выбрали работу на селе, в 2007 году составило не более трех процентов.

Вообще так называемый реализм, которым клялся и божился буквально через слово каждый ответработник того времени, как сейчас представляется, на деле оказывался элементарным согласием с деградиционными процессами и предельно изощренными доводами в пользу непринятия действенных решений.

Плотность населения в этих сельских районах составляла чуть более двух человек на квадратный километр, а численность уступала численности живущих «через речку» (реку Амур) китайских крестьян более чем в тридцать раз.

Напомним, что протяженность границы с КНР Дальнего Востока, как и сегодня, достигала почти 4 тысяч километров.

В 2008 году предложения по решительному развитию приграничных территорий на основе нового сельского хозяйства были вос-

приняты и включены в план «Восток» в качестве одного из ключевых направлений.

Основой проекта стало создание системы по прибыльному, экономически эффективному производству сои, а сам проект получил название «Соевый пояс», поскольку в конечном счете была поставлена задача организовать приграничный соевый Южно-Дальневосточный пояс расселения.

Соя происходит из районов нынешней КНДР и северо-востока Китая. И для юга российского Дальнего Востока соя является и биологически, и исторически ключевой сельскохозяйственной культурой.

Более ста лет соя выращивается на территориях четырех нынешних субъектов Федерации – Амурской области, Еврейской автономной области, Хабаровского и Приморского краев. Основные сельскохозяйственные угодья здесь расположены в Среднем Приамурье, Приуссурье и на Приханкайской равнине.

Соя на юге нашего Дальнего Востока имеет все возможности для того, чтобы стать тем же, что и рис в Китае и Японии. Только если там акцент в потреблении сои делается на увеличение белковой составляющей в питании человека, то у нас пока преобладает ее значение как кормовой культуры – высокобелкового уникального корма для скота, в сочетании с кукурузой дающего очень высокие показатели прироста живой массы.

Соответственно успешность возделывания и продажи сои – особенно в последние полвека – является залогом высокого качества жизни сельского населения и в целом населения приграничных административных районов, что, в свою очередь, ведет к минимизации эмиграции, оттока населения с этих территорий и, наоборот, делает их привлекательными для молодежи, которая желает работать на земле.

В советский период под сою отводилось более трети всех посевных площадей Дальнего Востока – до 1,2 миллиона гектаров из 3 миллионов гектаров. К началу нашего века площадь посевных площадей под сою резко – в три раза – сократилась и производство дальневосточной сои упало более чем в три раза. В лучшие годы лидирующая здесь Амурская область производила до 500 тысяч тонн сои в год, то есть такое количество, которое в 2007 году производилось в целом по России.

Вместе с тем Дальний Восток по-прежнему оставался основным регионом производства сои в России, поскольку на его долю приходится свыше 70 процентов всех посевов этой ценной культуры в стране. При этом удельный вес Амурской области среди остальных дальневосточных регионов в валовом производстве сои составлял более 60 процентов.

Все эти обстоятельства делали сою поистине геополитической сельскохозяйственной культурой, поскольку от успешности ее выращивания зависело будущее российского Дальнего Востока и России в целом.

Однако к началу XXI века эффективность соевого дела резко упала, став практически отрицательной. Это было связано прежде всего с тем, что выращивание сои рассматривалось исключительно в плане сельскохозяйственного производства и узкопонимаемой рыночной экономики, в то время как оно являлось базисом техно-аграрно-промышленного и социально-культурного уклада юга ДФО – особенно Амурской области.

В основу проекта «Соевый пояс» была положена задача по созданию новых рынков сбыта. С одной стороны, высокие транспортные тарифы не позволяли вывозить бобы сои на рынки Юго-Западной Сибири, Урала и Поволжья, где на них существовал большой неудовлетворенный спрос. С другой стороны, наличие экспортных пошлин также делало производство сои экономически невыгодным – в то время как отсутствие импортных пошлин приводило к ускоряющейся и принимающей гигантские объемы экспансии зарубежной, в первую очередь бразильской, сои.

За счет новой логистики на первом этапе произошло резкое увеличение предложения амурской сои по высоким ценам на указанные рынки. Затем были созданы достаточные перерабатывающие мощности, позволившие увеличить добавленную стоимость продукции из сои в 3–7 раз и одновременно уменьшить вес конечной продукции.

Гигантский резерв для повышения эффективности выращивания сои заключался в снижении себестоимости за счет улучшения логистики и резкого повышения уровня агротехнологий.

Показательно, что тогда в Приамурье урожайность сои была в полтора-два раза ниже, чем в соседних районах Китая. Соответствен-

но выращивание сои стало малопривлекательным занятием, что порождало отток молодежи из сел и сельских районов и невозвращение студентов сельскохозяйственных вузов в свои села даже в случае их целевого направления на учебу.

Укрепление благовещенского ВНИИ сои и создание на его базе головной организации позволило осуществить резкий скачок в соевом деле и выйти на принципиально новый уровень хозяйствования, агротехники и общей культуры возделывания сои.

Локомотивом проекта «Соевый пояс» стала организация Амурского соевого кластера. Благодаря ему амурская соя стала не только брендом и востребуемой в западных регионах России и в странах «большой тройки» (Японии, Республике Корея и Китае), но и основой нового уклада в сельском хозяйстве на неотрадиционных основаниях.

В Амурской области есть все необходимое для того, чтобы соя была экономически эффективной культурой. Природно-климатические и почвенно-географические условия области обеспечивают лучшую в мире по качеству сою, имеющую рекордный процент содержания белка – 42 процента.

В хозяйствах накоплен большой опыт ее выращивания и получения хороших урожаев. Учеными ВНИИ сои созданы уникальные высокопродуктивные сорта, причем классическими методами селекции, а не с помощью генной инженерии. Такие сорта пригодны к возделыванию как на Дальнем Востоке, так и в Центральной России – в отличие от завозимых из США и других стран генетически модифицированных сортов.

В области имеются залежи апатитов, известковых материалов и цеолитов, которые находятся вблизи железнодорожной ветки. Их разработка и приближение производства минеральных удобрений непосредственно к регионам возделывания сои позволило иметь дешевые и крайне необходимые фосфорные удобрения, известковые и структурирующие почву материалы не только для соеводства, но и для всех сельских товаропроизводителей Дальнего Востока и Сибири.

Выход на экономически эффективное производство сои, тесное связывание передовой науки, образования и аграрной индустрии вкпе с интенсивной реализацией Государственной программы по

оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, позволило преодолеть устойчивые тенденции сокращения населения и обезлюживания благоприятных по климату и возможностям для сельского хозяйства районов юга Дальнего Востока.

Кардинальный подъем всего соевого дела на российском Дальнем Востоке позволил к настоящему времени не только создать экономические и социальные предпосылки для закрепления имеющегося населения юга ДВФО и переселения сюда соотечественников, проживающих за рубежом, но и создать вокруг устойчивой экономики сои своего рода Южно-Дальневосточный пояс национальной и пограничной безопасности.

Это сделало возможным проведение менее чем за десять лет коренной модернизации Южно-Дальневосточной системы расселения, дополнительно поселить на данных территориях более 400 тысяч человек (включая интеллигенцию, работников сферы услуг и членов семей основных работников), повысить плотность населения сельских районов с одного-двух человек на квадратный километр до пяти и укрепить демографический и социально-экономический потенциал приграничных районов.

Но чрезвычайно важное значение сельского развития, разумеется, не отрицало необходимости строить новые города.

НОВЫЕ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИЯ

К середине первого десятилетия текущего века в России вновь стала разрабатываться градостроительная политика.

Так, в правительстве России совместно с руководством Ленинградской области в 2007 году было запланировано строительство нового города на 35 тысяч человек для обслуживания будущего порта Усть-Луга.

Министерство информационных технологий и связи предложило строить в семи субъектах РФ наногорода с населением до 20 тысяч человек каждый. Наногорода должны были стать «оазисами информационного общества», которые обеспечат «продвинутых» граждан жильем и работой в области высоких технологий.

Росстрой приступил к планированию с нуля строительства в России 22 новых городов-спутников, прилегающих к городам-миллионникам в Европейской части России и Сибири.

Наконец, правительство Москвы объявило о своем намерении выступить соинвестором по проектированию и строительству новых городов на территории ряда регионов Центральной России для предоставления жилья москвичам, стоящим в очереди на получение бесплатных муниципальных квартир, и, таким образом, для расселения гигантского распухшего мегаполиса.

Даже стебный, казалось бы, ход питерских мультипликаторов, которые придумали анимационную историю о новом городе Котополисе – городе, построенном на свалке отходов, – и то отражал это новое стремление думать урбанистическими образами.

Это были первые пробные заявления и шаги по подготовке новой урбанистической волны.

Но подлинно революционным событием стало решение предпринять масштабную градостроительную программу на нашем Дальнем Востоке.

Предварительно серьезно изучался опыт освоения Дальнего Востока в последние полтора столетия, особенно период с 1945 по 1960 год, когда здесь было построено около 50 новых городов.

За прошедшие десять лет у нас построен 21 новый город. Они очень разные. Еще предстоит описать эти города и сделать на основе такого описания пособие по развитию территорий.

Упомянем здесь только три из этих городов.

Это город Хасан-2 на 230 тысяч жителей в Хасанском районе Приморского края, возведенный практически в чистом поле в рамках Туманганского проекта и нового формата экономического сотрудничества с КНДР.

Новая восточная столица России в Амурской области как агломерация городов Углегорск–Шимановск–Свободный с численностью населения в 210 тысяч человек на расстоянии 70 километров от космодрома Восточный.

Если Хасан был выстроен во многом по «прагматическим» соображениям (которые не дали никакого экономического выигрыша, но рассматривались его создателями как чрезвычайно дальновидное и мудрое решение) и получился преимущественно бетонным и мно-

гоэтажным, то Новая Зырянка Верхнеколымского района и Верхнекамчатск были спроектированы в стиле малоэтажной экологически продуманной и сейсмоустойчивой усадебной урбанизации.

Десять лет назад неправильно воспринимали урбанизацию как единый процесс переселения людей в высокоэтажные города, пухнувшие мегаполисы. Сейчас общепризнано, что урбанизация отображает процессы повышения интенсивности и разномерности содержательного общения людей и может реализовываться в принципиально несовпадающих типах. И индустриальная урбанизация 1930–1960-х годов, и мегаполисная урбанизация 1990-х – начала 2000-х отличаются друг от друга так же значительно, как усадебная урбанизация от обеих названных урбанизаций.

Но как реальность усадебная урбанизация возникла именно на Дальнем Востоке. Новые города породили целый спектр самых разнообразных технологий организации жизни и выступили сетью-каркасом новой северной цивилизации.

НЕОЖИДАННЫЕ КАМЧАТКА И САХАЛИН

Нет возможности описать все преобразования, совершенные в последнее десятилетие в регионах российского Дальнего Востока. Поэтому кратко охарактеризуем только сегодняшние Камчатку и Сахалин.

С полным правом эти два самых далеких от Москвы региона России еще пять лет назад стали называть неожиданными. Прогнозы начала века не давали никаких оснований для того, чтобы предрекать стремительное, прорывное их развитие. Однако жители Камчатки и Сахалина вместе со своими новыми губернаторами опровергли высокоученый диагноз и в краткие сроки кардинально изменили жизнь на своих территориях.

Камчатка получила гигантское индустриальное развитие без нанесения ущерба первозданной природе. Это произошло прежде всего за счет пуска Пенжинской приливной электростанции (ПЭС) с небывалой мощностью в 87 гигаватт (это составляет на сегодня пятую часть всей выработки электроэнергии в России и также около пятой части мощности всех атомных электростанций мира).

В 2008 году началось создание вокруг будущей ПЭС водородно-энергетического кластера Камчатки, и за неполные десять лет Камчатка превратилась в мировой центр по производству водорода и жидкого кислорода. Объем производимого сегодня на Камчатке водорода составляет 60 миллиардов кубических метров газа в год. Это обеспечивает экологически безопасным топливом более миллиона легковых автомобилей в странах Северо-Восточной Азии.

Впрочем, важное значение имеют и неэнергетические сферы использования камчатского водорода: синтез аммиака (около половины мирового производства водорода), гидрогенизация и гидроочистка, гидрокрекинг, синтез метанола, нефтехимический синтез, различные химические производства, металлургия и др.

Здесь стремительно развиваются водный, оздоровительно-туристический и биоресурсный кластеры. Камчатка стала всемирной здравницей, превзойдя по эффективности оздоровительно-восстановительной терапии и лечения не только Кавминводы, но и Баден-Баден с Карловыми Варами. Научная и технологическая продукция камчатского биополиса на основе федерального курорта Паратунка обеспечила полуострову прочную славу центра новых знаний и технологий в медицине.

Камчатская вода давно является брендом, не требующим дополнительных разъяснений.

Серьезные изменения произошли в рыбной отрасли. Добавленная стоимость отрасли за десять лет была увеличена в семь раз, и недостижимые до той поры Исландия и Норвегия сегодня отчаянно пытаются конкурировать с Камчаткой.

Серьезное развитие биоресурсной отрасли произошло и на Сахалине. Во многом две эти территории – Камчатка и Сахалин – вместе с Магаданской областью объединили свои усилия вокруг Охотского моря и создали, по сути, новую сферу деятельности – экономику океана.

Два года назад был достроен мост на Сахалин с материка. Сам мост является многоцелевым гидротехническим сооружением, включающим электростанцию и дамбу с регулируемым пропуском воды.

Интенсивность грузопотока по Сахалину и через мост по материковой части создала принципиально новые возможности для развития

всего Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии в целом. Здесь была построена первая скоростная магистраль на Дальнем Востоке. На основании этого опыта пять лет назад началось строительство скоростной магистрали Токио–Дублин – фактически параллельного нового Транссиба, Транссиба-2.

Грузы по нему будут доставляться всего за пять суток, что делает Россию не только уникальным наземным мостом и позволяет взимать транзитную ренту, но и кардинально меняет экономическую карту мира.

На всем протяжении новой трансконтинентальной магистрали сейчас начинают образовываться коридоры развития. О Восточном коридоре развития будет сказано ниже. Пока же заметим, что обыватели изначально практически не различали коридоры развития и просто транспортные коридоры.

Но транспортные системы сами по себе никогда не обеспечивают развития. Если вокруг транспортной артерии не организуются новые системы жизнедеятельности в рамках еще только грядущего цивилизационного уклада, то развития не происходит.

Транспортные системы выступают опорными трассами, своего рода арматурой, связывающей коридор. Но коридор развития характеризуется повышенной плотностью расселения и мощностью жизнедеятельности вокруг себя за счет координации параллельно организуемых энергетических, технологических, научных, образовательных и информационных потоков.

Все это позволяет проектировать и создавать новые формы жизни, осуществлять планируемый цивилизационный сдвиг, организовывать вокруг институтов нового технопромышленного и социально-культурного уклада стратегические типы занятости для больших групп населения и возводить перспективные поселения.

Эффекты развития на расстоянии 50–200 километров по обе стороны транспортной магистрали коридора развития невозможны без наукоградов различного типа: техноэкополисов, биополисов, научно-образовательных деревень, которые, обеспечивая резкую интенсификацию индустрий, выступают в коридорах развития своего рода заводами по созданию добавленной сверхстоимости и воспроизводству жизни и экономики.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Сегодня ни у кого нет сомнений, что пожелание кавказского долголетия стало в нашей стране не единственно возможным. Все чаще желают долголетия и здоровья дальневосточного.

Сказалась масштабная программа по организации на Дальнем Востоке России единого пространства оздоровления и долголетия.

Главным направлением плана «Восток» было обозначено планирование социального развития. Изначально определялось, что Дальний Восток России должен иметь наивысшее качество жизни и выступать наиболее привлекательным и удобным местом жизни для российских граждан и возвращающихся в нашу страну из-за рубежа соотечественников.

Это было определено на памятном в истории развития Дальнего Востока заседании Совета безопасности 20 декабря 2006 года, когда Владимир Путин определил, что «в конечном счете все наши планы должны быть ориентированы на то, чтобы Дальний Восток стал удобным, привлекательным местом для жизни людей».

Ключевой здесь помимо выравнивания условий жизни дальневосточников с условиями жизни в европейской части страны (тарифы, зарплата, жилье), идентификационного восстановления сознания, предложения системы прорывных проектов развития, кластеров развития и др. стала программа обеспечения здоровья, превращающая Дальний Восток России не только в самый здоровый регион России, но и в макрорегион оздоровления и продления жизни, гигантского повышения творческого потенциала и творческой отдачи каждого без исключения жителя Дальнего Востока.

Здоровый и образованный человек, имеющий все возможности для поддержания и наращивания своей природной биологической основы, – вот каким виделся тогда дальневосточник будущего.

И это в значительной мере удалось реализовать. Был использован комплексный набор социально-культурных технологических нововведений:

– персональная медицина, основанная на личностном отношении к здоровью, персонифицированных данных о здоровье, индивидуально ориентированных системах обеспечения здоровья, профилактике заболеваний, персонифицированном мониторинге здоровья и эффек-

тивных мероприятиях по обеспечению здоровья – в частности, на создании банка данных о здоровье дальневосточников;

– проектирование новых российских практик обеспечения здоровья и профилактики заболеваний, а также новых здоровьесоборазных форм жизни и труда; анализ и трансфер в ДФО передовых мировых практик обеспечения здоровья и профилактики заболеваний;

– приоритетное развитие педиатрии и практик обеспечения детского здоровья;

– новые практики питания, особенно детского, и употребления воды, резкое увеличение в рационе доли рыбного и марикультурного, а также соевого белка как основы дальневосточной системы питания; внимательное применение биоресурсных добавок на основе океанских и лесных биоресурсов;

– единая санаторно-курортная сеть Дальнего Востока (минеральные воды, грязи, гейзеры, боры и т.п.) в связке с оздоровительно-восстановительным туризмом, прежде всего внутренним;

– новые технологии образования и пропаганды в области обеспечения здоровья и здорового питания (вплоть до учебников типа «Здоровое питание»);

– приоритетное применение биомедицинских технологий и исследований; использование ядерных изотопов, слабых и сверхслабых излучений (биофотоники) и иных форм слабых и сверхслабых целевых оздоровительно-восстановительных воздействий; разработка экономики изотопной медицины;

– массовая интеграция в дальневосточную российскую медицину и систему здравоохранения восточной медицины, в том числе и непосредственно самих целителей, массажистов и т.п. из стран Северо-Восточной Азии;

– развитие телемедицины и иных дистанционных систем обеспечения здоровья и профилактики заболевания.

Для реализации дальневосточной программы обеспечения здоровья была создана сеть биополисов – прежде всего на Камчатке, Сахалине и в Приморском крае (в новом городе Хасан-2).

Биополисы – города жизни – это поселения науки, образования и высоких технологий, создаваемые для консолидации усилий политики, социального развития и экономики на обеспечении здоровья человека, сохранении и восстановлении его биологической основы.

Биополисы в значительной мере опираются на дальневосточную санаторно-курортную сеть, но главная их особенность состоит в концентрации лучших научных сил по базовым направлениям высоких технологий: биомедицина, ядерная и изотопная медицина, биофотоника, медицинские и иные биотехнологии, сельскохозяйственные биотехнологии и биотехники, технологии экологического питания, космическая биология и медицина и другие направления науки и техники в сфере проблематики жизни.

Сегодня нередко говорят о биомедицинской революции на российском Дальнем Востоке. И это правильно. Достаточно указать на то, что ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляет у нас более 69 лет, а женщин – 74 года, уровень младенческой смертности упал почти в два раза.

Подобная революция была бы невозможна без решающего организационного решения руководства страны: замкнуть друг на друга основные фундаментальные разработки во всех областях науки, практики обеспечения здоровья Дальнего Востока и сеть биополисов. Особый акцент был сделан на поворот к нашему Востоку сибирской науки.

НОВАЯ МИССИЯ СИБИРИ

Поворот науки к проблемам обеспечения здоровья на Дальнем Востоке, по существу, обозначил новую миссию всей Сибири, особенно ее западной части: за счет обращения мощной сибирской науки на новое поле деятельности дать резкий толчок развитию самих наук и практик, а также предоставить уникальный ресурс дальневосточному здравоохранению.

Для реализации этой миссии в 2008–2010 годах была заложена основа Новосибирского коридора развития Томск–Новосибирск–Бийск.

Уникальный кадровый и научно-технологический потенциал трех наукоградов Западной Сибири – Бийска, Новосибирска и Томска – к новому веку оказался в значительной степени не востребуемым, а иногда и попросту брошенным. Гигантские капиталовложения советского периода, великолепный Академгородок, послуживший прототипом для японской программы «Технополис», а также европейских и аме-

риканских «зон развития» 1980-х годов, с начала 1990-х варились в собственном соку и неудержимо «проседали».

Но в 2008 году руководство ряда сибирских НИИ и вузов во главе с Новосибирским государственным медицинским университетом, Сибирским отделением Российской академии медицинских наук и Новосибирской медицинской корпорацией в инициативном порядке разработало концепцию программы по организации на Дальнем Востоке России единого пространства оздоровления и долголетия «Дальний Восток – мировое качество жизни».

На основе этой концепции и опыта ее реализации в последующие годы сибирская наука «навязала» стране три столь же масштабные и жизненно необходимые программы, трансформировавшие не только наши тогдашние представления о роли науки и связи науки с жизнью, но и саму жизнь.

КОЛОНИЗАЦИЯ МАРСА

Осталось пять лет до первого пилотируемого полета на Марс с нового космодрома Восточный в Амурской области.

Когда в 2007 году началось создание инициативной Лаборатории колонизации Марса (ЛКМ), то по этому поводу было достаточно комментариев наподобие «пропаганды безответственных фантазий» и т.п. – вплоть до покручивания пальцем у виска. Однако самим создателям ЛКМ пришлось удивляться как раз тому, что комментирующим отчего-то казалось, что подъем и развитие российского Дальнего Востока неизмеримо легче колонизации и обживания Марса.

Впрочем, это отражало широко распространенный тогда предрассудок, что достаточно вернуть Дальнему Востоку льготы и привилегии – и жизнь там сама собой расцветет и сами собой случатся чудесные метаморфозы. Этот предрассудок отражал остатки псевдориночного сознания неистребимые даже после опыта обвальных 1990-х годов.

Но программа колонизации Марса имеет абсолютно практический смысл. Ее суть заключается в том, чтобы усилиями всего человечества с нуля воспроизвести на наиболее близкой к Земле планете

земную жизнь и изучить тем самым фундаментальные принципы и предпосылки феномена жизни. Это требует организации глубокой трансформации всех условий на Марсе, в частности изменения его атмосферы. Только через подобную программу возможно не только перейти на принципиально новый уровень космических технологий, но и выявить совокупность законов, на основе которых возможно обеспечивать развитие человечества как целого, эффективно решать технологические и экологические проблемы.

Уже через год после начала создания ЛКМ было решено ориентировать планируемый космодром Восточный и создаваемый вокруг него Первый национальный космический центр под задачу колонизации Марса. Расплывчатая «марсианская программа», не говоря уже о «лунной», однозначно была оставлена в пользу программы непосредственной колонизации Марса.

Жесткие споры между «партией» «марсианской программы», настаивавшей на организации пилотируемого полета к Марсу с возможной высадкой людей на Марс ради самих этих действий, и «партией» «колонизации Марса» относительно быстро завершились победой «колонизаторов», которая задала новую эпоху в развитии русского космоса.

Этой победе в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что еще в январе 2004 года о готовности США предпринять к 2030 году пилотируемый полет на Марс объявил президент США Джордж Буш-младший. Соответственно мы рисковали оказаться в ситуации крайне неудачной для нас «лунной гонки» 1960-х годов.

России надлежало ответить на очередной американский вызов (а там уже были на подходе китайский и иные вызовы) только через предложение оригинальной программы, обесмысливающей простой полет ради полета. Именно такой программой и стал курс на колонизацию-обживание Марса.

К счастью, в руководстве страны оказались люди, которые исключительно серьезно отнеслись к проблеме колонизации Марса, поскольку, повторим, ее решение имело колоссальное практическое и научное значение.

Во-первых, оно обеспечивало практическое изучение через повторение и воспроизведение процессов происхождения атмосферы

Земли и жизни на Земле (терраформирование), что давало фундамент для разработки технологий в области создания систем жизнеобеспечения, развития медицины и биологии, продления человеческой жизни и, главное, позволяло делать управляемыми экологические и жизненные процессы на планете Земля.

Во-вторых, такое решение задавало научно-технологические и промышленные основания для подъема всех сфер жизнедеятельности в стране.

В конечном счете задача колонизации состоит в том, чтобы на самом деле реализовать задорное «и на Марсе будут яблони цвести!».

Именно программа колонизации Марса позволила тогда актуализировать истлевавшие разработки советского периода, выйти на новые решения и обеспечить мировое лидерство России в космосе.

Вообще история марсианских программ СССР и России трагична: почти все пуски (более двадцати) по исследованию Марса в СССР в отличие от США оказались неудачными, а несколько удачных во многом повторяли достижения США.

Причина неудач и гигантских неэффективных затрат лежала в фундаментальной ошибке, совершенной руководством СССР в начале 1964 года, когда Сергею Королеву было запрещено заниматься подготовкой экспедиции на Марс с использованием ракеты-носителя Н-1 и поручено сосредоточиться на работе в рамках «лунной гонки» с США.

«Лунная гонка» была СССР вчистую проиграна – в 1969 году американцы высадились на Луну. Это было крайне неприятным, но закономерным итогом. США запустили лунную программу на пять лет раньше нас, в 1959 году, и вложили в нее почти в десять раз больше средств, чем был в состоянии вложить в подобную программу СССР.

Решение Никиты Хрущева запускать «лунную программу» за четыре года до официального завершения аналогичной американской программы явилось чистой авантюрой. По плану же Королева, который он утвердил в 1960 году, СССР мог уже в конце 1970-х годов совершить высадку космонавтов на поверхность Марса.

Самодурство Хрущева принесло в итоге стране заслуженный позор и сдачу США лидерства в космосе. Если бы волонтаристски не был остановлен план Королева, то к 1980-м годам СССР стал бы

абсолютным лидером в космической сфере и, более того, на этой основе могла бы быть заложена основа для технологической модернизации СССР и лидерства нашей страны в биологических науках, не говоря уже о лидерстве в собственно космической сфере...

Но все это в прошлом. Теперь идет сверхинтенсивная работа по всем направлениям программы: от биомедицинских до геохимических и геофизических. И конечно же, готовится новый – марсианский – вариант многоцелевого многоразового летательного аппарата «Клипер».

А первый большой практический смысл программы колонизации Марса дал о себе знать еще десять лет назад. Ведь создание полномасштабного и лучшего в мире космодрома на Дальнем Востоке России перечеркнуло все разговоры о макрорегионе как сырьевом придатке сопредельных стран.

Развитие космической отрасли давало неограниченные возможности для вывода Дальнего Востока в новое состояние – как по линии собственно космической, так и по линии реального хай-тека по всем направлениям развития. И эти возможности, к счастью, были использованы.

«ПАРИТ СИЯЮЩИЙ ФАВОР...»

Борьба в 2005–2007 годах за то, чтобы Дальний Восток остался космическим, за создание на базе закрываемого военного космодрома Свободный нового – лучшего в мире – космодрома со всей ясностью показала, что именно здесь, в этой точке земного шара, будут решаться в следующие десятилетия судьбы России, а значит, и человечества.

Нелегко было в те годы за текучкой и бедами-проблемами региона увидеть в банальных, казалось бы, проблемах вокруг закрывающегося космодрома Свободный небанальный всемирно-исторический смысл.

Но в том ведь и состоит государственная мудрость, чтобы мыслить надолго и прочно во благо России.

Здесь, в Свободненском районе Амурской области, где течет река Зея, в 1930–1950-е начиналось строительство БАМа силами БАМла-

га, через который, в частности, прошли такие выдающиеся люди России, как мыслитель, богослов и ученый Павел Флоренский и маршал Советского Союза Константин Рокоссовский.

Священник Павел Флоренский, осужденный на 10 лет, был направлен в 1933 году сюда, в БАМлаг «Свободный», на месте которого впоследствии появится одноименный космодром. Нужно было обладать гениальной способностью к прозрению будущего, чтобы в ужасе лагеря с названием «Свободный» разглядеть смысл этого места. Потом, будучи уже на Соловках, Флоренский так писал про Свободненский район в поэме «Оро»:

*Быть может, византийский двор
Сюда сокрылся, в древний бор?
Но нет, не думай о былом.
Померк Царьград перед стволем.
Здесь лиственниц склоненных ряд
Священным пурпуром объят.
Не купол то Софии, нет,
Но, облаченный в снег и свет,
Парит сияющий Фавор
Над цепью Тукурингских гор.*

Может быть, Флоренский увидел здесь Фаворский свет – нетварный и нематериальный свет Божественной славы, которым просиял Спаситель на горе Фавор?

Свободный – это «сияющий Фавор», перед которым померк даже Царьград. Вот видение нашего выдающегося мыслителя, донесенное до нас. Слова богослова и философа о Фаворском свете, преображающем собою все, в том числе и космос, не могут быть случайными – особенно по отношению к этому месту. И в 2008 году оставалось разглядеть в этом мировидении Флоренского главное: территория вокруг Свободного являлась тем местом, которому предназначено стать следующим центром и сердцем русско-православной цивилизации. Сергиев Посад, в котором Флоренский жил и который так любил, в начале своего существования решал, с точки зрения отца Павла, задачу преодоления «одной из величайших культурных катастроф», каковой мыслитель считал «конец Византии».

Флоренский утверждал, что именно явлением преподобного Сергия Радонежского и была воспроизведена византийская цивилизация: «В преподобного Сергия, как в воспринимающее око, собираются в один фокус достижения греческого Средневековья и культуры. Разошедшиеся в Византии и там раздробившиеся, – что и привело к гибели культуры, – тут, в полнокровном сердце юного народа, они снова творчески и жизненно воссоединяются ослепительным явлением единой личности, и из нее, от преподобного Сергия, многообразные струи культурной влаги текут, как из нового центра объединения, напоивая собой русский народ и получая в нем своеобразное воплощение».

В минувшем веке мы пережили не меньшие культурные катастрофы – уничтожение монархии в феврале 1917-го и распад Советского Союза в декабре 1991-го. И тогда опять возникла необходимость воспроизвести московскую и европейскую цивилизации. И этим местом, где возможно воспроизведение, как указывал Флоренский в 1933 году, может стать Свободный. И не случайно Свободный и города вокруг него стали точкой приложения лучших российских и мировых сил, центром российского и мирового развития.

Нет сомнения в том, что современное процветание Дальнего Востока России состоялось во многом благодаря тому, что увидел в этом краю Флоренский в БАМлаге «Свободный». Доктрина развития Дальнего Востока выростала здесь, в этом узрении возможности и необходимости всеобщего исцеления во всеобщем же преображении через приобщение к Фаворскому свету на «холодном сверхвостоке» – как мыслитель называл эти места.

Сегодня, когда вокруг Свободного создан космический кластер и развиваются программы колонизации Марса, смешными выглядят попытки отдельных страных людей препятствовать этому в 2007 году. Одновременно показательным является и то отношение, которое было тогда у московской публики к российскому Дальнему Востоку.

Некто Владимир Соловьев, журналист, сподобился сочинить следующий опус и разместить его на своем сайте News.TRELI.ru:

<...> Но тут возникает «гениальная» идея. Мол, а почему бы нам не отправиться далеко-далеко, в город Свободный? Который, кстати,

хорошо известен благодаря лагерям 50-х годов. Именно там скончался Мандельштам. Вспомните его строки: «В лагерь «Свободный», в тухлый запах прогнивших нар». Вот именно туда предлагается переселить ученых со всего мира, которые приедут и будут развивать российскую пилотируемую космонавтику. То есть там намерены создать не только базу запусков, но и целый научный кластер. Другими словами, академический городок. Гигантский научный центр, наподобие созданного американцами космического центра в Колорадо.

<...> Идея, казалось бы, замечательная. «Аналогов этому проекту нет». Да, аналогов действительно нет. Потому что сейчас в месте будущего научного кластера нет ничего – стоит несколько хрущевок, живут две тысячи военнослужащих, и его почему-то считают отличной базой для создания мощного центра.

Замечу, что американцы пошли по другому пути. Они разносят научные центры и космодромы по разным территориям. И это понятно – так удастся избежать колоссального риска. Все-таки космодром – потенциально опасный объект.

Ну ладно – риск совмещения двух стратегически важных объектов на одной территории.

А как заставить людей ехать жить и работать в бывшие лагеря?

Сколько им надо заплатить за переезд, какую зарплату им надо положить – чтобы они согласились на это? Уточню – триста километров от БАМа, аэропорт с грунтовым покрытием, бездорожье, климат «радостный». <...> И кого именно планируется привлечь? Кто туда должен поехать? Выясняется, что в этот научный кластер должны поехать лучшие специалисты, ученые-ракетчики. Лучшие! Что заставит успешного и признанного специалиста, к примеру из Москвы, из Самары, туда переехать? Сколько денег на все это нужно выделить?

<...> Но самое главное в том, что вся проблема не только в рискованном объединении научного центра и космодрома и не столько в материальном стимулировании ученых. Нет. Даже если ученым заплатят огромные деньги, настоящим ученым, профессионалам <...> они туда никогда не поедут. Никогда!..

Тут перевернуто все: про лагеря, которых давно нет, про то, что такое тогда был Свободный, про самого Мандельштама (умер он не

в Свободном, а во Владивостоке – более полутора тысяч километров юго-восточнее Свободного), и строки стихов впопыхах приписаны Мандельштаму, хотя их автором является Анна Ахматова («Немного географии»).

Но это-то вранье с физиологической ненавистью и показательно.

Дальние восточные города как раз дали Ахматовой возможность совсем по-другому взглянуть не на них, а на европейскую столицу – Санкт-Петербург–Ленинград.

Немного географии

О.М.

*Не столицей европейской
С первым призом за красоту –
Душной ссылкой енисейской,
Пересадкою на Читту,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Акбасар,
Пересылкою в лагерь Свободный,
В трупный запах погнивших нар, –
Показался мне город этот
Этой полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными – и тобой.*

1937 год

И это лучше, чем что-либо, показывает, что проблема Востока – проблема живущих на Западе. Что же касается г-на Соловьева, то его разглагольствования выглядели особенно издевательскими в условиях той вопиющей неравномерности качества и уровня жизни в стране, когда Российскую Федерацию без труда можно было представить в виде 12 крупных городов России, которые – и прежде всего Москва – являлись своего рода осажденными «островами» благополучия на фоне вымирающей демографически и экономически остальной страны. Особенно это касалось Дальнего Востока России.

ВОСТОЧНЫЙ КОРИДОР РАЗВИТИЯ

Промышленно-технологической опорой развития Дальнего Востока стал организуемый с момента принятия решения о космодроме Восточный и строительстве моста на Сахалин Восточный коридор развития.

Он формировался вокруг новой транспортной магистрали Свободный (Амурская область) – Комсомольск-на-Амуре и Селихино – Лазарев (Хабаровский край) – переход в виде моста с материка на Сахалин – Погиби – Ныш – юг Сахалинской области) – Хоккайдо (Япония).

Значительные участки будущей магистрали Свободный – юг Сахалинской области – Хоккайдо уже существовали до 2008 года. Прежде всего это восточная часть знаменитого БАМа – примерно от станции Февральской до Комсомольска-на-Амуре.

Недалеко от Комсомольска-на-Амуре на железной дороге до Ванино была небольшая станция Селихино, от которой надо было построить новую железную дорогу до Лазарева и оттуда через переход над проливом Невельского (частью Татарского пролива) на Погиби, потом через весь Сахалин и далее – через пролив Лаперуза на Хоккайдо.

Главная ценность планируемой магистрали состояла в том, что она выступала оптимальной транспортной опорой для организации вдоль нее коридора развития.

Все предпосылки для максимальной насыщенности проектами и энергией развития будущего Восточного коридора развития были уже тогда.

Продумывалось создание нескольких кластеров по производству лидирующей продукции.

Это Свободненский дальневосточный космический кластер вокруг нового космодрома Восточный, создаваемого на базе закрытого военного космодрома Свободный.

Космодром Восточный исходно планировался для лидерских программ России по освоению космоса. Одновременно его строительство выступало механизмом дальнейшего серьезного развития Комсомольска-на-Амуре, где имелись возможности для изготовления всего необходимого для космических запусков, включая ракеты-носители.

Далее – Сахалинский кластер тонкой химии, построенный по оси Ноглики–Углегорск с двумя полюсами: углехимическим вокруг Углегорского района и нефтехимическим вокруг города Ноглики.

Для Сахалинского кластера тонкой химии оптимально подошел целевой лозунг специальной промышленной нефтехимической площадки Джаронг (Сингапур): «Расщеплять до молекулы». Подобный производственный цикл позволил использовать уникальные возможности Сахалина по добыче природных ресурсов на основе углеводородов и углерода для организации химической промышленности сверхвысоких переделов и получения практически бесконечного разнообразия полуфабрикатов и конечной продукции из органических материалов.

Производство в данном кластере лидирующей продукции на основе тонкой угле-, нефте- и газохимии предоставило новые грузы, которые позволили обеспечить капитальную загрузку транспортной магистрали с Сахалина на материк и в Японию. Транспортировка этих грузов в максимально короткие сроки должна окупить строительство железнодорожного пути от Селихино до Лазарева и от Погиби вдоль острова Сахалин.

Также некоторыми Санкт-Петербургскими научными структурами прорабатывались проекты, связанные с созданием на Сахалине приборостроительного наноэлектронного кластера, способного не только кардинально изменить представление об острове, но и обеспечить соответствующей продукцией развивающуюся промышленность российского Дальнего Востока и сопредельных стран – прежде всего космическую промышленность, авиастроение и судостроение, силовую энергетику и биомедицину.

Роль Комсомольска-на-Амуре, точнее, агломерации Комсомольск–Амурск–Солнечный как опорной базы развития дальневосточной промышленности, не только сохранилась, но и резко возросла. У Комсомольска-на-Амуре появилась возможность помимо развития и усиления предметно-отраслевых направлений (авиастроительного, судостроительного, лесоперерабатывающего, производящего изделия для космоса и др.) также выходить на создание новых отраслей.

Первой новой отраслью на Дальнем Востоке стала станкоинструментальная промышленность, поскольку, во-первых, без про-

изводства новых станков и линий невозможно было кардинально уменьшить трудозатраты и издержки (напомним знаменитые слова Генри Форда: «Прибыль рождается на кончике резца»), а во-вторых, с созданием новой сверхотрасли у Комсомольска появилась возможность стать не только промышленным центром, но и центром по проектированию и организации передовой промышленности, то есть технокополисом, возродив тем самым амбициозную программу середины 1990-х годов.

В конечном счете Восточный коридор развития от Амурской области до Хоккайдо создал более 300 тысяч новых рабочих мест для специалистов сверхвысокой и высокой квалификации, представляющих не только самую современную промышленность, но и промышленность завтрашнего дня и в целом новый технопромышленный уклад.

Это, в свою очередь, потребовало и дополнительно простимулировало организацию авангардного градостроительства на принципах усадебной урбанизации и малоэтажного домостроения.

Только благодаря новым малоэтажным городам с суперсовременными инфраструктурными промзонами по типу Пудун (КНР) или Джаронг (Сингапур), которые были выстроены вдоль Восточного коридора развития, в этот регион с интересом и азартом поехали талантливая российская молодежь и наиболее перспективные соотечественники.

Почему-то наиболее невероятным, даже фантастическим тогда казалось строительство мостового или тоннельного перехода на Сахалин. Хотя еще в ходе своего первого визита в Японию в сентябре 2000 года президент Путин предложил Японии не только сотрудничество в освоении шельфа Сахалина, но также и в строительстве тоннеля, который связал бы Японию с Россией. В феврале 2007 года в ходе визита правительственной делегации в Токио громкое заявление сделал министр транспорта Игорь Левитин: Россия намерена построить тоннель между материком и островом Сахалин и приглашает японские компании участвовать в реализации этого многообещающего проекта.

Во время торжественного открытия 6 ноября 2007 года в Хабаровском крае на станции Андикан нового участка железнодорожной линии Известковая–Чегдомын глава ОАО «РЖД» Вла-

димир Якунин также обозначил стратегический интерес железнодорожников: «Думаю, и на Сахалин в конце концов мы с вами сможем поехать железной дорогой». Его тогда тут же поддержал губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев: «Мы на это очень рассчитываем. Если начнется строительство дороги на Сахалин, тогда мы как-нибудь оттуда дотянем и 200 километров дороги до Николаевска-на-Амуре. И это будет колоссальным решением проблемы обеспечения наших северных территорий».

О необходимости ускорения строительства моста постоянно заявлял губернатор Сахалинской области Александр Хорошавин.

Таким образом, тогда уже сложился консенсус всех основных действующих лиц по проекту моста на Сахалин.

Однако дело не столько в самом мосте. Ведь, как говорят, еще в первые годы нашего века удивленный мэр Москвы Юрий Лужков, посетив Сахалин, заметил: а что, мол, тут необычного – мостовой или тоннельный перегон в семь с небольшим километров? Это всего одна новая станция в Московском метрополитене!

В самом деле, мыс Погиби хорошо виден с мыса Среднего, крайней здесь точки Евразийского материка.

Мост – или тоннель – важен не сам по себе, а как фундаментальное основание для организации Восточного коридора развития в целом.

Создание Восточного коридора развития образовало, по сути, новую географическую реальность. Сахалин и Япония, подключившись к проекту, перестали быть островными территориями и во многом стали неотъемлемой частью материка. А Сахалин из острова на краю бесконечных российских просторов стал форпостом и мостом-связкой между российской и японской цивилизациями.

Восточный коридор, таким образом, выступил в эти годы несущей опорой дальневосточного развития. Вокруг него уже было на порядок проще организовывать – в тесном сотрудничестве с ключевыми державами Северо-Восточной Азии – развитие всего российского Дальнего Востока, прежде всего его Севера.

Все это коренным образом изменило геополитическую ситуацию в АТР.

Чрезвычайно важное значение имела организация Восточного коридора развития и для восстановления транспортно-инфраструк-

турного лидерства России в Северо-Восточной Азии. К сожалению, такое лидерство в то время, как уже отмечалось выше, было не только в значительной мере утрачено, но и отдано (заслуженно) северо-востоку Китая, стремительно наращивавшему свою инфраструктурную мощь.

По инженерно-технической стороне транспортной составляющей коридора развития согласие было достигнуто не сразу. Одни предлагали идти по комфортному пути применения устаревших решений железнодорожного строительства. Другие требовали применения самых передовых технологий.

Выбор был сделан в пользу двусоставной структуры путей Восточного коридора развития. На участке Хоккайдо–Комсомольск было выбрано использование технологии «маглев» – *transrapid magnetic levitation train*, поезда на магнитной подвеске, которая позволяет разгонять экспрессы до сверхвысоких скоростей (подобные поезда в настоящее время курсируют между международным аэропортом Пудонг и Шанхаем). На участке Комсомольск-на-Амуре–Красноярск были выбраны иные технологии скоростного железнодорожного движения.

Это стало геостратегической победой. Скоростные поезда, двигаясь со скоростью от 250 до 600 километров в час, обеспечили наземную связь Дальнего Востока с большим материком – городами Восточной Сибири. Сверхдинамичная транспортная магистраль плотно привязала Дальний Восток к Сибири и тем самым обеспечила высокую связность востока страны. А освоение технологий типа «маглев» резко стимулировало развитие новых машиностроительных кластеров в России.

Стало возможным планировать и коренную модернизацию Транссиба, а по сути, создание нового параллельного Транссиба рядом со старым, вековым. Без этого уже было невозможно дальше конкурировать с южноазиатскими маршрутами и особенно с океанскими перевозками.

Восточный коридор развития позволил осуществить выход страны в новый цивилизационный технопромышленный и социально-культурный уклад и превратить Дальний Восток России в центр мирового развития и лидера не только среди российских регионов, но и среди остальных регионов Северо-Восточной Азии.

Именно в рамках Восточного коридора развития стали появляться перспективные новые формы жизнедеятельности в реалиях русского присутствия в Северо-Восточной Азии.

Все это удалось сделать предметом демонстрации для руководителей экономик АТЭС, которые собирались на саммите на российском Дальнем Востоке.

ВОСТОЧНАЯ СТОЛИЦА РОССИИ

Жизнь в столице замечательна тем, что позволяет находиться в гуще событий. Да и пишется легко, когда над тобой такое высокое небо и ярчайшее солнце более 300 дней в году. Прерву на время описание истории современного состояния Дальнего Востока. Все, что недосказано в этом очерке, доскажу в следующих.

В заключение же хочу процитировать остаток старого файла с чьей-то проектной запиской образца начала 2007 года. Этот реальный исторический документ в достаточной мере показывает как искреннее желание преобразований на Дальнем Востоке, так и слишком уж упрощенное тогдашнее представление о методах и путях их организации.

<...> Главным должно стать создание рабочих мест для специалистов высокой квалификации, представляющих не только самую современную промышленность, но и промышленность завтрашнего дня. По сути, необходимо проектировать новый технопромышленный уклад и развивать авангардное градостроительство, которые увеличивают производительность труда в несколько раз и вместе с тем делают привлекательной жизнь и работу для молодых. Только в этом случае мы имеем реальные шансы организовать опережающее развитие Дальнего Востока в ближайшие пять–семь лет, то есть в обозримый и ответственный период.

По предварительным оценкам экспертов, для организации системного сдвига ситуации на российском Дальнем Востоке до 2012 года необходимо создать до миллиона рабочих мест, из которых не менее 20 процентов должно быть местами приложения высококвалифицированного труда. Одновременно необходимо для выполнения

поставленной президентом Российской Федерации задачи по доведению к 2012 году ежегодного ввода жилья до одного квадратного метра на каждого человека в Дальневосточном федеральном округе необходимо в ближайшие четыре года каждый год увеличивать ввод жилья почти в два раза.

Все это позволит организовать действительно масштабное (до двух миллионов человек) и влияющее на роль и место Дальнего Востока в российском и мировом развитии переселение соотечественников и жителей западной части России.

Осуществление такой сложной задачи возможно только при наличии 7–12 проектов развития, центров быстрого и качественного роста, действительно способных кардинально изменить ситуацию в Дальневосточном федеральном округе.

Таковыми проектами развития, или мегапроектами могли бы стать первый национальный космодром Восточный (бывший Свободный) в Амурской области, техноэкополис «Комсомольск–Амурск–Солнечный» в Хабаровском крае, Восточный коридор развития Свободный–Комсомольск–Селихино–Лазарев–Погиби–Сахалин–Хоккайдо, соевый южно-дальневосточный пояс расселения по границе с Китаем на протяжении почти четырех тысяч километров, рыбный и туристический кластеры на Камчатке, превращающие ее в столицу рыбной отрасли и российского внутреннего туризма. А также создание тихоокеанской базы океанического рыбного флота, развитие станкостроения и инструментальной промышленности, организация наноэлектронного приборостроительного кластера дипольного типа (Санкт-Петербург – Дальний Восток), создание высокоскоростных железнодорожных путей на основе передовых технологий, позволяющих преодолевать расстояние от Владивостока до Читы за десять часов, превращение Сахалина в единую для всего Дальнего Востока России промышленную рыбоперерабатывающую базу и один из мировых транспортно-логистических центров путем строительства мостового перехода материк–Сахалин с дополнительными железнодорожными и автомобильными путями длиной более 700 километров, организации новой системы региональной авиации, восстанавливающей связность территорий ДФО и позволяющей развивать региональное авиастроение на Дальнем Востоке. Здесь следует назвать и проекты малоэтажного домостроения и новой усадебной

урбанизации как основы авангардного градостроительства, а также проекты по тонкой нефте-, газо- и углехимии и глубокой лесопереработке. (Список проектов и пояснения по их системной организации прилагаются.)

Важно отметить, что все указанные проекты развития органично объединяются в сеть кластеров и коридоров развития, новых городов, иных систем развития и составляют в целом единую систему интеграции регионов ДФО и развития российского Дальнего Востока. При этом также обеспечивается межрегиональный и межведомственный характер организации развития.

Организация данных проектов как единой проектной сети потребует создания авангардных пионерных зон (по типу HEDA) и оформления их в инвестпроекты и особые экономические зоны...